Анатолий ЯМСКОВ

Тревожное будущее «республик свободных»

Опубликованные статьи Л Глазова и Л. Перепелкина относительно желаемого будущего Союза ССР и предваряющий их редакционный комментарий[1] побудили и меня высказаться по вопросу о реально существовавшем и возможном будущем национально-государственном устройстве СССР. Напомню, что Глазов выступил как последовательный сторонник «обновления социалистической федерации» на подлинно ленинских принципах, очищенных от деформаций сталинизма. В полемическом ответе Перепелкина обоснованно отмечено, что подобная точка зрения часто высказывалась в последние годы. Нельзя не согласиться с Перепелкиным и в том, что по сути такие взгляды являются плодом мифологизированного мышления, подменяющего беспристрастный анализ действительности и поиск выхода из современного кризиса национально-государственной структуры СССР выписыванием рецептов решения всех проблем по собраниям сочинений классиков марксизма-ленинизма.

Убедительно показав несоответствие историческим реалиям крайне идеологизированных и упрощенных представлений Глазова и его единомышленников о верной ленинской и неверной сталинской политике в национальном вопросе Перепелкин высказал и свое мнение о желательном будущем устройстве СССР. Редакционный комментарий подводит читателя к выводу о том, что на страницах журнала Глазов высказал старый, мифологизированный и потому нереальный подход, а Перепелкин, основательно и успешно развенчавший подобные представления, выражает таким образом современные, трезвые и научно обоснованные взгляды*. Число единомышленников Глазова по мере отхода советских граждан от прежней официальной идеологии неуклонно уменьшается. Количество же единомышленников Перепелкина пока растет и уже сейчас весьма велико среди достаточно влиятельных ученых, журналистов и политических деятелей.

Однако означает ли это, что на смену мифам и иллюзиям действительно приходят взгляды, опирающиеся на непредвзятый анализ реального современного положения вещей? К сожалению, на этот вопрос при-

[1] Здесь и далее упоминается и цитируются публикации в журнале "Общественные науки", 1990, № 5, с. 153-163.

* Редакция вынуждена возразить автору. В своей преамбуле к статьям Л.Глазова и Л.Перепелкина мы отметили лишь различия между обоими авторами, но никак не свое отношение к их позициям. - *Ред.*

Ямсков А.Н. - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии АН СССР.

ходится ответить отрицательно. На страницах «Общественных наук», опубликовавших короткие статьи Глазова и Перепелкина, тем самым наглядно отражен процесс замены старых мифов на новые, ничуть не более обоснованные. Поэтому, ни в коей мере не солидаризуясь с Глазовым, я постараюсь критически рассмотреть предложения Перепелкина, что в нынешней ситуации представляется гораздо более необходимым.

Предварительным условием является окончательный выход за пределы замкнутого идеологизированного пространства, где царят сакральные фигуры «благодетеля» Ленина и «злодея» Сталина. Необходимо отказаться от положения, когда якобы научная мысль занята прежде всего выяснением, что поддерживали, а что отрицали эти основоположники советской социалистической идеологии. Действительно, объективная оценка тех или иных особенностей национально-государственной структуры СССР не может более предопределяться ни тем, как к ним относились лично Ленин или Сталин, ни соответствием либо несоответствием этой структуры взглядам иных влиятельных идеологов КПСС,либо других политических партий или течений.

Собственные взгляды Л. Перепелкина заключаются, говоря его же словами, в том, что «превращение СССР в интеграцию суверенных национальных государств — оптимальный путь развития для нашей страны». Этот вывод аргументируется тем, что «основной узел современных национальных противоречий (отношения «республики — Центр») был заложен уже при образовании СССР», поскольку он изначально представлял собой «федерацию с ущемленными правами республик и гипертрофированной ролью центральной власти». В подтверждение своих выводов Перепелкин ссылается на то, что «основная тенденция мирового развития сейчас — расцвет национальной государственности и создание союзов (интеграции) таких государств». Эту точку зрения он проводит во многих публикациях. Однако выводы, прямо противоположные всем четырем приведенным выше заключениям Перепелкина, на мой взгляд, гораздо лучше соответствуют действительности. Рассмотрим их по порядку, начиная с менее существенных.

Первое возражение

Современное мировое развитие далеко не столь однозначно. В высокоразвитых регионах действительно укрепляются союзы государств. В Западной Европе, где этот процесс проявился сильнее, происходит рождение нового государственного образования, составные части которого в значительной степени утратили или утратят в близком будущем былой национальный суверенитет не только в экономической либо военно-политической сферах, но и в области внутреннего законодательства, контроля над миграцией населения и т. п. Говорить поэтому о «расцвете национальной государственности», мягко говоря, странно. Наблюдающиеся и ожидаемые в ЕЭС экономический прогресс, рост благосостояния населения и укрепление гарантий повсеместного соблюдения прав человека любой этнической принадлежности сопровождаются, если быть точным, угасанием национальной государственности. Напротив, в Восточной Европе страны бывшего «социалистического лагеря» только с 1989 г. вновь обрели полный суверенитет, избавившись от идеологического, экономического и военно-политического диктата СССР; ближайшее десятилетие обнаружит результаты этих перемен.

Создание и расцвет национальной государственности в Европе имели место в XIX— первой половине XX в., когда шли войны за независимость, государственное объединение Германии и Италии, рушились Османская, Австро-Венгерская, Российская, Британская и Германская империи. Все

это неоднократно изменяло границы и сопровождалось не только военными потерями населения, но и миграциями беженцев, депортациями по национальному признаку и даже планомерным геноцидом.

Без малого два столетия существуют суверенные государства Латинской Америки, причем современные нации этого континента сложились во многом благодаря размежеванию бывших испанских колоний на независимые страны. Однако в этой части света попытки к интеграции крайне слабы и непоследовательны. При рыночной экономике условия жизни в большинстве случаев не только оставляют желать много лучшего, но и к тому же практически не прогрессируют, а эти суверенные национальные государства почти постоянно сотрясают острейшие внутренние социальные конфликты.

Наконец, во второй половине XX в. мир действительно испытал массовое рождение политически суверенных государств. Это произошло на бывших прежде колониальными владениями пространствах Африки и Азии. Почти все новые государства оказались сложными по национальному составу населения. Тем не менее очень многие их правители, опираясь на численно преобладающие этнические группы, по примеру Европы начали политику воплощения в жизнь идеи национальной государственности.

Думаю, читатели сами имеют некоторое представление о том, какое количество войн и восстаний сопровождало и до сего дня сопровождает существование этих новых государств, и каковы их экономические достижения. Важно только подчеркнуть, что большинство вооруженных конфликтов были вызваны несовпадением государственных границ с этническими или религиозными. Даже те конфликты, которые вспыхивали по иному поводу, в этих условиях с течением времени приобретали этническую окраску. Иначе говоря, такие конфликты являются закономерным следствием попыток реализации идеи национальной государственности на базе бывших колониальных владений.

Не следует думать, что я поклонник колониализма и выступаю за сохранение империй. Однако необходимо принимать исторический опыт таким, каков он есть. А опыт этот показывает, что возникновение суверенных национальных государств в границах, определенных бывшей метрополией для удобства управления зависимыми территориями, либо по другим критериям, но никак не на основе этнического состава и самоопределения населения, рождает огромные проблемы. Почти неизбежным следствием являются вооруженные конфликты, обусловленные попытками изменить эти границы или добиться права на самоуправление для национальных меньшинств.

Второе возражение

Имеет смысл внимательно посмотреть не на декларации, а на скрываемое за ними реальное устройство и функционирование национально-государственной структуры СССР и ее отражение в общественном сознании населения. При таком подходе придется не согласиться с Перепелкиным и в том, что Советский Союз был изначально «федерацией с ущемленными правами республик». Дело не столько в том, что одним росчерком пера создавались и упразднялись составляющие эту «федерацию» союзные республики (вспомним Карело-Финскую ССР), их части столь же непринужденно передавались от одной к другой (Крым). И даже не в переменчивой судьбе автономных республик депортированных в 1940-е годы народов. Главным отличием СССР было то, что его объективно важнейшая по экономическому и культурному потенциалу, численности населения и величине территории часть — РСФСР — являлась одной из союзных республик только на бумаге.

Такой вывод подтверждает, например, достаточно широкое распространение в публицистике и даже в речах официальных лиц словосочетания «национальные республики» применительно к союзным и автономным. Говорящие и слушающие (читающие) однозначно понимают, что в этом случае речь идет о нерусских национально-государственных образованиях. Реалии нашей жизни были таковы, что никому и никогда еще не приходило в голову относить этот же самый словесный штамп к республике русских, хотя формально СССР провозглашался именно союзом (федерацией) равноправных союзных национальных республик и в его состав всегда входила РСФСР.

С тем, что в общественном сознании населения СССР до самого последнего времени практически отсутствовало представление о том, что и у русских формально тоже есть своя республика или некая территория за вычетом входящих в РСФСР автономий, мне пришлось столкнуться в ходе полевых этнографических исследований. В недавние годы как в селах Черноземного региона России, так и в Закавказье люди разных национальностей, говоря о руководителях страны, имели в виду в первую очередь партийно-государственных лидеров СССР. Все они прекрасно знали и местное (республиканское и районное в Закавказье, областное и районное в России) партийное руководство. Но о главе республиканской власти РСФСР до избрания Б. Ельцина большинство сельского населения России просто ничего не слышало, тогда как в других союзных республиках всем были известны не только руководители республиканских компартий, но и, чаще всего, еще и председатели Советов Министров и Верховных Советов.

Отмеченные феномены общественного сознания возникли не на пустом месте. Причины их появления кроются в реально действовавших до конца 80-х годов структурах власти и управления. В первую очередь речь должна идти о структуре КПСС, хотя с чисто формальной точки зрения внутренняя организация политической партии, конечно же, не должна использоваться для характеристики системы управления государством. Тем не менее особая роль КПСС в советском обществе и ее фактическое значение в минувшие годы требуют того, чтобы рассматривать именно компартию как главный инструмент власти. Поэтому попытки Перепелкина представить Ленина поборником создания конфедерации «независимых республик»—это почти такая же схоластика, как и раскритикованные им построения Глазова. Какое бы название-характеристику для СССР ни отстаивал тот или иной исторический деятель, фактом остается, как пишет сам Перепелкин, что главной структурой власти в этом государстве была коммунистическая партия, единая и централизованная в строгом соответствии с заветами Ленина. Вслед за единственной правящей партией точно такую же модель внутреннего строения имели и все другие сколько-нибудь важные организации, от ключевых министерств до академии наук. Стоит непредвзято вдуматься в этот феномен. Возьмем ли мы всемогущую коммунистическую партию или, например, академию наук — всюду мы видим одно и то же. Существует единая общесоюзная организация, охватывающая своими действиями всю территорию СССР и состоящая, как и следовало ожидать, из отдельных территориальных подразделений. Соответственно, в союзных и автономных республиках имеются национально-территориальные подразделения данной организации, т. е. национально-республиканские компартии или академии наук. Все подобные республиканские подразделения в сумме составляют часть общесоюзной организации. Однако другую часть образуют не российские республиканские, как должно бы было быть в реальной федерации, а некие не национальные, не республиканские, а «просто общесоюзные» подразделения, непосредственно действующие на территории России. Таким образом, налицо

продолжавшееся почти 70 лет намеренное отождествление либо сознательное смешение советского (общесоюзного) и собственно русского, что прямо противоречит формальному признанию РСФСР одной из союзных республик.

Иными словами, если пренебречь имевшими декоративные функции Верховным Советом и Государственным флагом РСФСР (характерно, что у республики не было собственного гимна), то проступают очертания модели, до самого последнего времени повторявшейся практически во всех важных государственных и в бывшей самой важной, партийной структурах. Эта модель предполагает, что подразделения на национальных окраинах, призванные учитывать некоторую специфику местных условий, облечены в «национальную форму», в отличие от «подлинно общесоюзных» (советских), действующих только в краях и областях РСФСР.

Таким образом, налицо модель внутреннего устройства, типичная именно для единого централизованного государства, признающего определенную автономию за национальными окраинами, но при этом располагающего неким территориально-экономическим и демографическим ядром, не нуждающимся в подобной автономности.

Идея «автономизации», или деления целого на имеющие какую-то специфику периферийные части и не обладающую такого рода особенностями основу, в чистом виде выражена в организации компартии, созданной усилиями самого Ленина. Эту же идею открыто высказал Сталин в применении к государственному устройству СССР. Однако подобную откровенность ему не простили тогда и, как это ни странно, не прощает Перепелкин и сегодня. Тем не менее сущность организации основных структур власти и управления в СССР с момента его формального учреждения и до конца 80-х годов соответствовала именно принципу автономизации. Если не ограничиваться анализом деклараций, то приходится признать, что на деле СССР был изначально единым государством со своими ядром-основой и автономиями разного ранга для различных национальных окраин, как бы эти автономии ни назывались — союзными или автономными республиками, автономными областями, округами и т. п. Кстати, этот же принцип был осуществлен и в Российской империи, только тогда он был открыто признан, а автономией пользовались лишь Польша и Финляндия. Ныне ярким примером автономизации заселенных национальными меньшинствами земель является внутреннее административное устройство Китая, где 5 преимущественно окраинных автономных районов занимают около 40% территории государства.

СССР отличал еще один первостепенной важности нюанс. В отличие от Российской империи, в Советском Союзе именно русские фактически лишились возможности иметь что-либо существенное в «национальной Форме», поскольку экономическая и национально-культурная политика проводилась союзным Центром в интересах укрепления положения и развития культуры «новой исторической общности — советского народа». Эта общность мыслилась русскоязычной, но, конечно, не могла быть тождественной русскому народу. Подобная политика принесла неоднозначные плоды, хотя первоначально, отрицая гегемонию русских в послереволюционном государстве, она помогла сгладить доставшиеся в наследство от империи межнациональные трения и обиды. К тому же значительные, если не преобладающие, массы русских и существенная часть некоторых других, в первую очередь славянских, народов стали в итоге Действительно считать себя прежде всего «советскими».

Все же в глазах большой части нерусского населения СССР форсированное распространение русского языка воспринималось как принудительная русификация. А это вызвало или усилило антирусские настроения и антипатии к политике союзного Центра, который воспринимается

как «русский». Но и среди самих русских по мере распространения исторических знаний и роста национализма увеличивается недовольство прежней экономической и культурной политикой руководства СССР, целенаправленно уничтожавшей целые пласты национальной русской культуры и прервавшей историческую память и преемственность народа, обрекшей и сельских жителей коренных русских областей на нищенское существование.

Таким образом, намеренное смешение общесоюзного — «советского»— и русского в минувшие годы так и не достигло своей конечной цели. Теперь же союзные органы власти, проводившие эту политику, обоснованно встречают неприятие не только со стороны нерусских граждан СССР, но также и со стороны многих русских. Но какого бы мнения мы ни придерживались в отношении реального положения русских в СССР, нельзя не признать, что оно было иным по сравнению с титульными народами союзных и автономных республик и именно это различие отражало строение правящей партии и других важных органов власти и управления.

Завершая этот раздел, повторю, что не имеет смысла всерьез говорить о прежнем устройстве СССР как о федеративном или конфедеративном по той причине, что его создатели с самого начала и не собирались на деле рассматривать РСФСР как одного из субъектов союзной федерации с собственными республиканскими структурами власти и управления. Считать СССР федерацией равнозначно тому, чтобы вообразить, например, США или ФРГ состоящими наполовину из конкретных штатов или земель с их разветвленными структурами власти и самоуправления, а наполовину — из некоей земли или штата, на территории которых напрямую действуют федеральные органы и где практически отсутствуют структуры, опосредующие политику этих же самых федеральных органов и организаций в других землях или штатах. Таким образом, по большому счету просто бессмысленны и разговоры об «обновлении федерации» в СССР, ибо обновлять нечего — попытки создать федерацию или конфедерацию действительно равных по своим властным полномочиям республик впервые предпринимаются только сейчас.

Третье возражение

По мнению Л. Перепелкина, именно противоречия между республиками и общесоюзным Центром составляют главную современную проблему межнациональных отношений в СССР. Но и это не соответствует действительности. Напротив, в конце 80-х и начале 90-х годов наблюдается прежде всего кризис национально-политических отношений внутри республик и, как его производное, противоречия между республиками. Именно эти проблемы будут неминуемо обостряться в близком будущем по мере воплощения в жизнь прежде только декларировавшихся идей национальной государственности. Впрочем, об этом уже не раз писали, например в журнале «Век XX и мир». Однако имеет смысл еще раз разобрать некоторые аргументы, опровергающие точку зрения Перепелкина.

Конечно, всегда имелись противоречия между правительствами республик и Союза из-за частичного несовпадения интересов и проблемы разграничения власти. В последние годы эти противоречия резко обострились из-за попыток республик сделать реальностью официально выдвинутый лозунг их политического и экономического суверенитета, к чему оказались совершенно не готовы союзные министерства и ведомства. К тому же указанные трения резко усугубили зачастую диаметрально противоположные политические ориентации союзного и вновь сформированных республиканских правительств. Наконец, после принятия в ряде

республик деклараций о независимости и выходе из состава СССР конфликт с Центром стал явным. Однако подобная констатация еще ничего не говорит о реальной значимости и последствиях этих противоречий для жизни и благосостояния граждан различных регионов СССР.

Рассмотрим последствия конфликтов между республиками и Центром. Кровавые трагедии Тбилиси и Баку, которые сразу же приходят на ум, тем не менее нельзя считать следствием межнационального конфликта или трений республик с Центром. Ведь в обоих случаях войска союзного правительства защищали прежде всего существовавшие в тот момент в республиках местные партийные власти. Другой вопрос, насколько реальна была угроза насильственного свержения той власти и насколько соответствовали примененные военными средства сложившейся тогда обстановке. Пожалуй, лишь экономические санкции против Литвы и трагические события в ее столице более всего соответствуют схеме Перепелкина. Но даже в Вильнюсе в январе 1991 г. все началось с острого внутреннего социального конфликта, которым воспользовалось для вмешательства союзное правительство. Впрочем, в Латвии и даже в Эстонии обстановка определяется не столько конфликтом республиканских правительств или большинства коренного населения с Центром, сколько внутриреспубликанскими межнациональными противоречиями. Не стоит также забывать, что одновременно с кризисом в Прибалтике в начале 1991 г. продолжались вооруженные межнациональные столкновения в Закавказье (Южная Осетия и Нагорный Карабах), а обстановка в Абхазии, Молдове и в ряде мест Средней Азии продолжала оставаться взрывоопасной. Но каким образом можно усмотреть конфликты с Центром в качестве первопричины тревожной обстановки в этих регионах?

Межнациональные конфликты внутри республик или между ними, начавшиеся без всякого вмешательства Центра, уже привели к несравненно большим потерям человеческих жизней и ожесточению противостоящих сторон в Азербайджане и Армении, Узбекистане и Киргизии. По этой же причине разрушенная землетрясением Армения, как и Нагорный Карабах, оказались на долгое время в жестокой экономической блокаде. Лилась кровь также в Абхазии и Южной Осетии, Казахстане и Молдове, да и в других местах. Наконец, более полумиллиона беженцев и не меньшее, видимо число вынужденных мигрантов — это тоже следствие межнациональных конфликтов внутри республик. При сохранении существовавших до января 1991 г. тенденций во внутренней политике СССР внутри- и межреспубликанские конфликты на национальной почве неизбежно принесут новые жертвы, породят миллионы беженцев и многомиллионные экономические убытки, т. е. по своим трагическим последствиям будут еще тяжелее, чем конфликты правительств или коренных народов республик с общесоюзным Центром.

Против мнения Перепелкина свидетельствуют и косвенные аргументы. Во-первых самую серьезную проблему для Союза представляло в конце 1990— начале 1991 года разграничение полномочий и власти с вновь созданным и впервые начавшим действовать самостоятельно правительством России Конфликт здесь нешуточный и потенциально грозящий несопоставимо большим ограничением властных полномочии союзных органов, нежели конфликты Центра с Литвой либо с Грузией. Ни назвать такой конфликт межнациональным, ни отрицать его значение для будущего Союза невозможно, но при этом указанные противоречия никак не вписываются в схему Перепелкина. Показательны также недавние забастовки шахтеров принесшие немалый экономический ущерб. По накалу страстей, жесткости противостояния союзным ведомствам и правительству и по своей организованности выступления горняков ничуть не уступали акциям народных фронтов Прибалтики или Молдовы. Если бы нацио-

нальная принадлежность шахтеров или правительства РСФСР играла хоть какую-то роль в их противостоянии с правительством Союза, то в восприятии общественности указанные ситуации стали бы одними из самых ярких примеров национальных конфликтов.

Таким образом, действительно острые противоречия республики или региона с союзным Центром не всегда имеют национальную окраску. Но это только подтверждает, что и конфликты «национальных» республик с Центром во многих случаях вовсе не являются по своей природе национальными, а лишь принимают такую форму, ибо апелляции к национальным чувствам помогают лидерам республик сплотить соотечественников вокруг своих идей и требований. Иными словами, *сложившаяся* за десятилетия существования СССР *практика управления* экономической и внутриполитической жизнью государства ныне *вызывает* резкий и организованный *протест* жителей *всех, а не только нерусских,* регионов и республик.

Правда, использование войск союзного правительства в районах межнациональных конфликтов действительно означает вмешательство во внутренние дела республик и тем самым усиливает противоречия между республиканскими правительствами и союзными органами власти. Вот эта составляющая противоречий «республики—Центр» действительно велика и продолжает возрастать; она, несомненно, приобретает в итоге форму национального противостояния. Однако это явление характерно только для последних лет и очевидно, что оно — лишь следствие острых внутри- или межреспубликанских конфликтов на национальной почве.

Тем не менее в противовес мнению Перепелки на есть все основания считать, что основной узел межнациональных противоречий до сих пор находится в самих республиках. Он действительно является закономерным следствием официальной ленинско-сталинской национальной политики 20-х и 30-х годов, когда практика поощрения и даже насаждения национально-территориальных образований разного ранга, включая создание ряда союзных республик, породила — и не могла не породить — две главные современные проблемы. Во-первых, иерархия национально-государственных статусов фактически означала признание политического неравноправия народов (неравенство их формальных прав на экономическое и национально-культурное развитие) и практически подчиняла одни национальности другим. Во-вторых, выдвинутый тогда же лозунг национальной государственности был провозглашен в союзных и автономных республиках, границы которых устанавливались без выяснения мнения населения и в очень многих случаях не соответствовали границам расселения народов. Послевоенные трудовые миграции и урбанизация еще более перемешали национальный состав населения на обширных территориях большинства советских республик. Все это делает фактически невозможным безболезненное воплощение там идей национальной государственности.

Подобная внутренне противоречивая национально-государственная структура могла существовать лишь формально и только потому, что она фактически не действовала в условиях тоталитарного государства. Ведь не секрет, что в действительности до середины 80-х годов не только основы экономической, но даже принципы национально-культурной политики во всех национально-государственных и национально-административных образованиях, независимо от их ранга, определялись центральными партийными и общесоюзными органами.

Четвертое возражение

Невозможно согласиться и с главным тезисом Перепелкина, заявившего, что «превращение СССР в интеграцию суверенных национальных государств — оптимальный путь развития для нашей страны». Здесь он прав только в одном — действительно, большинство регионов СССР встало на этот путь развития. Однако невозможно ни считать его оптимальным, при признать саму возможность создания в ближайшие годы на значительной части территории СССР в прямом смысле слова национальных государств.

Перепелкин, правда, не оговаривает свое понимание суверенной национальной государственности и не указывает, каким путем могут возникнуть такие государства на территории нынешнего СССР. Однако его высказывания, процитированные в начале данной статьи, позволяют предположить, что он вместе с официальными союзными и республиканскими инстанциями и большинством публицистов периода перестройки считает таковыми современные союзные и бывшие автономные республики.

Но, мягко говоря, парадоксальность национально-государственной структуры СССР состоит в том, что большинство советских республик при всем желании просто не могут стать национальными государствами из-за этнического состава, особенностей территориального размещения и национально-культурной ориентации своего населения. Как это ни странно, но единственная союзная республика, имеющая официальный статус многонациональной федерации (РСФСР), в 1979 г. имела и самый (после Армении) близкий к однонациональному состав населения, ибо доля русских составляла здесь 83% [2]. И это при том общеизвестном факте, что значительную часть РСФСР населяют многочисленные нерусские народы. (Например, самый многочисленный из них — татарский — насчитывает более 5 млн человек.) Из других союзных республик титульная национальность составляла только 60% населения и менее в Таджикистане, Латвии, Киргизии и Казахстане, а также в 15 автономных республиках, которых в СССР всего 20. При этом лишь половина, или того меньше, населения приходилась на титульную национальность в двух союзных и 13 автономных республиках, а также в пяти из восьми бывших автономных областей, тоже в большинстве своем провозглашенных ныне суверенными республиками.

Абсурдность предположения о легкости трансформации подавляющего большинства советских республик в суверенные национальные государства становится ясна не только и даже не столько из их национального состава, сколько из-за национально-культурной и языковой ориентации проживающего в них «некоренного» населения. Действительно, практически в каждом национальном государстве мира определенную, а иногда и довольно значительную, часть населения составляют различные национальные меньшинства. Но они являются там одновременно языковыми и культурными меньшинствами, ибо в действительно суверенном национальном государстве исторически, а не на бумаге, господствуют язык и культура основного народа страны. Представители же национальных меньшинств, в зависимости от своего социального положения и обусловленных им потребностей, в той или иной степени самой жизнью вынуждены адаптироваться к этой абсолютно преобладающей культурно-языковой среде.

Положение не только русских, но и многих других «некоренных» народов вне краев и областей РСФСР совершенно иное. В реальных

[2] Здесь и далее использованы данные переписи 1979 г., отражающие ситуацию до появления беженцев; подробнее см.: Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.

условиях СССР как эти его граждане, так и весьма существенные численно и влиятельные в социальном плане слои некоторых «коренных» народов **давно** уже не столько адаптировались к русскоязычной общесоветской культурной среде, сколько сами стали зачастую очень авторитетными ее представителями. Именно поэтому те же гагаузы республики Молдовы или осетины Грузинской республики так не хотят, в случае весьма реального выхода этих республик из СССР, оказаться в положении национальных меньшинств будущих суверенных государств. Ведь для них речь идет отнюдь не только о смене фактического статуса национального меньшинства в СССР на реальный и формальный статус такого же меньшинства в Грузии или объединенной Румынии. Для очень значительной и самой деятельной и образованной части этих народов выбор стоит между сохранением беспрепятственного доступа к привычному и обширному общесоюзному социокультурному пространству, частью которого они являются и где они могут реализовать свой профессиональный потенциал, и замыканием в несопоставимо более узких рамках национальных государств, чьи язык и культуру многим еще только предстоит усвоить в полной мере. Итак, ни свойственное всем людям стремление к равноправию, в том числе в сфере языка, культуры и национально-государственного строительства, ни объективные культурно-языковые интересы не только русских, но и многих других «некоренных» жителей республик не позволят большинству республик превратиться в действительно национальные государства при сохранении современных границ и национального состава населения. Необходимым и в любом случае неизбежным условием для «расцвета национальной государственности» на территории СССР является пересмотр современных республиканских границ либо массовые депортации населения по национальному признаку. Нельзя не видеть, что именно это начало стихийно осуществляться в Армении и Азербайджане или в Молдове, где действительно сделаны решительные шаги в сторону превращения данных республик в суверенные национальные государства. Появление новых карабахов или гагаузий при современных тенденциях развития национально-государственной структуры СССР является практически неизбежным. Но насколько такой путь оптимален, мне думается, лучше всего могут судить непосредственные участники и жертвы этих процессов.

Сегодняшние противоречия между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха или территориальный спор между Северной Осетией и Чечено-Ингушетией убедительно показывают, что наряду с внутриреспубликанскими на повестку дня встали и межреспубликанские трения и конфликты на национальной почве. Поэтому вопрос о реальности создания добровольного союза или интеграции образованных после распада либо роспуска СССР суверенных национальных государств тоже вызывает серьезнейшие сомнения — скорее всего осуществится положение, весьма близкое к сложившемуся на Балканах после ухода турок или в Центральной Европе после первой мировой войны, распада Австро-Венгрии и территориальных потерь Германии. Думается, смысл понятий «балканизация» или «версальский синдром», ставших нарицательными, достаточно ясен.

Третья альтернатива

Кризис национально-государственной структуры СССР налицо, и столь же очевидны настойчивые попытки создать суверенные национальные государства из большинства советских республик. Понятно, что никакие размышления или публикации не остановят этот процесс. Вероятно, лучшее, что можно сделать в сложившихся условиях,— это либо

осуществить ту же тенденцию демократически, на основе свободного волеизъявления жителей всех территорий, независимо от их сегодняшего национально-государственного статуса и под эффективным контролем, не допускающим вооруженных междоусобных столкновений и погромов, либо же выдвинуть реальную альтернативу указанной тенденции. Думается, вполне возможен и, главное, наименее катастрофичен по своим последствиям именно синтез указанных подходов.

Альтернатива курсу национальной государственности — это давно уже высказываемое некоторыми специалистами и журналистами предложение, которое, кстати, столь резко осудил Глазов как действительно антиленинское. Оно сводится к тому, чтобы формально признать существующую реальность и, отразив это в законодательстве, считать советские республики государственными образованиями не только титульного народа, но и всего их многонационального местного населения [3]. Потребуется формально и на деле обеспечить действительное равенство и представительство в органах власти и управления всех основных национальностей республик. Фактически это означает признание национально-русского двуязычия и параллельного развития нескольких национальных культур целью и идеалом региональной государственной политики в многонациональных районах. Вероятно, только такие равноправные в экономическом и политическом отношениях республики и смогут стать субъектами новой устойчивой федерации. Если демократически избранные высшие органы власти республик принимают подобную языковую и национально-культурную программу и входят на этих условиях в федерацию, их границы сохраняются неизменными либо могут быть пересмотрены только с их согласия.

Несомненно, для многих республик такие условия окажутся неприемлемыми. В подобном случае они могут заключить конфедеративный союз с федерацией в экономической и военно-политической сферах, но проводить полностью самостоятельную языковую и национально-культурную политику, т. е. продолжать создание национальной государственности. Однако в этом случае федерация обязана выступить гарантом реализации для всех жителей таких республик, в том числе и русских, права на создание собственных автономных образований в местах компактного проживания, если такое предложение будет выдвинуто и поддержано на референдуме большинством жителей территорий расселения национальных меньшинств. Кроме того, субъекты будущей федерации и конфедерации должны также признать и обеспечить возможность реализации права всех народов или их частей на национально-культурную автономию, включая создание национальных органов массовой информации, клубов, школ, выбор учебников и приглашение учителей родного языка и истории и т. п.

Разумеется, народы республик должны иметь также право на выход из СССР, если таковым окажется выявленное референдумом мнение большинства населения занятой ими территории. Но покидающая СССР

---

[3] Семидесятилетняя история национально-государственного строительства внутри СССР глубоко укоренила в общественном сознании народов представление о том, что именно государство призвано определять основы национально-культурной и языковой политики. Особенность современного этапа состоит лишь в том, что предметом острых дискуссий и политической борьбы стали вопросы об уровне (союзном, республиканском или более низком), на котором осуществляется эта политика и определяются ее цели. Поэтому утопичными являются попытки некоторых авторов найти выход из современного кризиса межнациональных отношений путем первоначального обеспечения общедемократических ценностей и свобод и признания приоритета прав личности, в том числе и в этой области жизни. К сожалению, советские люди в массе своей очень далеко отстоят от того мировоззрения, при котором подобные вопросы могут разрешаться в рамках гражданского общества при минимальном вмешательстве в них государственных органов.

республика должна предоставить такое же право жителям всех своих автономий и населению районов компактного расселения «некоренных» народов опять-таки путем референдума самим решить вопрос о том, хотят ли и они выйти из состава СССР в рамках рождающегося национального государства или же предпочитают сохранить федеративные либо конфедеративные связи с Союзом.

Видимо, будущее Союза ССР будет определяться путем сочетания указанных тенденций: 1) создания подлинной федерации равноправных многонациональных республик; 2) одновременного образования более широкой конфедерации с национальными республиками; 3) полного превращения в независимые национальные государства или слияния с этнически близкими странами. Есть лишь возможность несколько облегчить этот стихийно уже начавшийся и в любом случае весьма сложный и болезненный процесс, сделав его более демократичным и справедливым и тем самым предупредив часть будущих территориальных споров и претензий.

Что касается попыток претворения в жизнь взглядов моих оппонентов, то это было бы практически одинаково катастрофичным для жизни и благосостояния миллионов — пока еще наших — сограждан и в полной мере все равно не реализуемым. Предложенная Глазовым идея «воссоздания ленинской федерации» в современных границах СССР и его республик, объявленных национальными государствами, может быть осуществлена только ценой прямого насилия со стороны союзных органов и сохранения на долгие годы чрезвычайного либо военного положения на обширных территориях. Это вызовет неминуемое и активное сопротивление коренных народов тех республик, которые особенно сильно стремятся к полной независимости от СССР. Впрочем, в других республиках «некоренное» их население тоже станет противодействовать поощряемому такой программой фактическому национальному неравноправию. Кажущаяся противоположной мысль Перепелкина о трансформации тех же республик в действительно суверенные национальные государства, которые сами выработают принципы взаимоотношений друг с другом, приведет — и фактически уже приводит — во многих местах к точно таким же последствиям. В этом случае активное сопротивление оказывают народы, составляющие зачастую половину или большинство населения сегодняшних республик, но официально считающиеся «некоренными». Они численно и часто исторически абсолютно преобладают на значительных территориях республик и при подобном подходе обрекаются на неприемлемое для них и просто неосуществимое на деле положение национальных меньшинств.

В любом случае очень многие регионы СССР обречены самой жизнью либо на отказ от представлений о том, что союзные и автономные республики являются суверенными национальными государствами только титульных народов, либо на отказ от принципа незыблемости республиканских границ. Единственная возможность избежать этот трудный выбор — организовать массовые (многомиллионные) депортации населения по национальному признаку. Иных выходов из современного национально-политического кризиса в СССР нет, и именно эти три пути решения национального вопроса начали ныне осуществляться стихийно.

© А. Ямсков, 1991